

УДК 1(091)

ИДЕНТИЧНОСТЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОЦИАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В.В. Иванов

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова», г. Москва

В статье рассматриваются особенности идентичности развития общества в условиях изменений социально-политической действительности, актуализация вопросов кризиса как сферы восприятия самоидентификации и ориентации в гражданско-государственных отношениях.

Ключевые слова: *идентичность, общество, кризис, демократия, власть.*

Американский президент Джон Ф. Кеннеди однажды в своем выступлении отметил, что слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов, первый из которых означает «опасность», а второй – «благоприятную возможность» [1]. В общепринятом понимании кризис – это нечто негативное, нарушившее состояние вещей и сложившееся в результате череды связанных между собой обстоятельств. Дискурс относительно кризиса и кризисных тенденций в той или иной сфере человеческого бытия (культура, искусство, политика и т. д.) уже на протяжении длительного времени имеет широкое распространение в научной публицистике. Тому способствовали изменения в обществе и переосмысление прежнего состояния дел, приведшее в упадок сложившуюся систему социальных отношений.

Было бы ошибочным считать, что кризис – это всегда нечто созерцаемое общему взору людей, то, что затрагивает каждого, и каждый ощущает на себе происходящие изменения в равной степени и одновременно с остальными. Кризис не возникает на ровном месте и всегда имеет предпосылки, его первоначальное состояние окружено не столь заметными изменениями в захватываемом им объекте, однако далее, «в родильных муках» он получает все более очертаемые выражения, пока не вырывается на свет с оглушительным осознанием окружающих в неизбежности перемен. Шпенглер, к примеру, рассматривая кризис, связывал его с вырождением, с окончательным циклом в цивилизационном развитии, вершиной подъема цивилизации и началом ее упадка [2].

Еще один вопрос, который достоин внимания, – это вопрос оценки кризиса. Вернемся к приведенному выше высказыванию Кеннеди, из него следует двойственность восприятия кризиса. Именно во время кризиса общество находится в состоянии поиска и определения будущих контуров его существования. Однако данный процесс как необходим, так и болезнен для общества, но главное – он позволяет сосредоточить-

ся на актуальных проблемах и вынуждает общество безотлагательно искать их решения. В то же самое время мы можем говорить о том, что любая сфера человеческого бытия подобна организму человека. Так, от рождения до смерти человек проходит последовательную совокупность циклов развития внешних и внутренних характеристик. Следовательно, мы можем утверждать и о постоянном перманентном состоянии кризиса, его готовности наступить по истечении некоторого времени. Что же касается демократии, то, как представляется, это – «живая» общественная система, многообразие и вариативность которой связаны с самой природой демократии как инструментом регулирования социальных связей, возникших и принятых данным обществом. Поэтому есть основания думать о кризисе демократии как перманентном состоянии самой демократии, как постоянной характеристике развития самого общества, в тех случаях, когда наличествуют в этом обществе демократические устремления и следуют в нем демократическим принципам. И вправду, когда мы говорим о кризисе демократии и подразумеваем под ним те проблемные точки, с которыми сталкивается общество на практике, то оцениваем их как отход от действующей нормы. Но если эта норма уже не действенна в силу происходящих в обществе изменений? В таком случае жизнеспособность самой демократии напрямую взаимосвязана от протекающего кризиса. Однако не все так просто. В таком случае общество сталкивается со стоящей перед ним дилеммой: отказаться от устаревающей нормы демократии, но взамен ей выработать альтернативу, основанную на демократических основах, либо отторгнуть ее окончательно и отказаться от существующего элемента демократического устройства, что в конечном счете может привести и к гибели демократии. К примеру вопрос, об ограничении свободы слова, регламентируемый национальным законодательством, всегда вызывал споры о рамках такого ограничения и его предметном регулировании. В то же время существует объективная необходимость ограничения свободы слова, которая в том числе затрагивает и вопросы национальной безопасности и вопросы, связанные с правом личной информации. Однако стремление власти к ограничению либо запрету свободы слова наносит удар по демократическим ценностям и в конечном счете нивелирует саму систему демократического устройства в государстве. В таком случае обществу необходимо найти консенсус и выработать новые принципы взаимодействия, удовлетворяющие условиям максимального числа заинтересованных участников социального процесса.

Теперь несколько слов об идентичности. Прежде всего, ядром любого общественного процесса является человек и его действия. Любые действия человека носят мотивационный характер и, как правило, направлены на удовлетворение личных потребностей. Социальная идентичность человека связана с идентификацией его личности относительно существующих в обществе стереотипов. Значимость такой само-

идентификации состоит в том, что личность вступает не только в конфликт с общественной регламентацией, но и в противостояние с собственными компромиссами.

Однако существует и стремление личности бороться в подобной ситуации и отстраивать новые «башни крепости» в осознании собственной внутренней ориентированности и ориентации в сфере публичного бытия. Таким образом, идентичность человека можно рассматривать исключительно в контексте его социальной инициации, предполагающей моральное перерождение (внутренний аспект инициации) и формальное отступление от ценза идентичного поведения (в виде внешних выражений). Однако для того чтобы определить формы человеческой идентичности, необходимо не просто сопоставить его «личное» с другим «общественным», но и связать его мотивационную программу с программой тех групп, к участникам которых он себя причисляет. И здесь мы приходим к выводу об ограниченности общественной идентичности по сравнению с идентичностью личностной, ибо пределы первой идентичности заключены в рамках необходимости идентичности второй. И общественная идентичность как некий потребительский продукт самого широкого применения, реализуемый только в тех пределах, в которых он будет актуален как для общественности в целом, так и в первую очередь каждого отдельного его члена.

Подход к оценке состояния субуниверсальной демократии (по формуле: конкретная страна – конкретная демократия, наиболее адекватная и верная), как представляется, строится на повседневной практике внутреннего наблюдения и отвлеченного созерцания за происходящими глобальными изменениями. Но данное состояние длится ровно до того, как вступает в противоречие с группами интересов и требованиями незамедлительного действия в отношении собственной позиции и определения конкретных действий. В то же самое время и от государства, как судьи, выносящего решение, и наместника, это решение исполняющего в жизнь, требуется обеспечение адекватных мер на происходящие в обществе изменения. Но государство также является институциональным элементом общества и заинтересовано в формировании необходимой социально-политической среды с учетом обслуживания собственных интересов. Получается, что существуют объективные требования времени к изменению действительной в обществе формации и существует борьба за обеспечение различных групп ресурсами по реализации данных требований.

Представим себе подобное противостояние и свяжем его с возникновением «компромиссной демократии». Сценарий подобной демократии заключается в целенаправленном усилении государства по конструированию такой общественной идентичности, где гражданская составляющая прав и свобод последовательно вытесняется государственной обязанностью. В таком случае обществу приходится жертво-

вать некоторыми демократическими ценностями либо государству подавлять требования общества путем предоставления милостыни, относящейся не столько к удовлетворению исключительных благ, сколько к вымыслу сопричастности общей идее и национального пафоса. Проще говоря, общество идет на сделку с государством и в обмен на предоставляемые блага (политическая стабильность, провозглашаемый порядок и т. д.) соглашается на некоторые ограничения демократических свобод. В то же время речь не идет о полном ничтожении демократии в государстве, так как это влечет к смене политического режима и ставит точку в истории демократии в государстве, а следовательно, и предметное изучение демократии становится невозможным в данном обществе. Вернемся к тем процессам, которые наблюдаются актуально в настоящее время. Например, процессы глобализации и глобальной экспансии «информационного общества» радикально трансформируют повестку социальных преобразований и придают колоссальный динамизм механизмам трансформации национальной идентичности. Кризис идентичности становится нормой, диверсифицированной в зависимости от того, сколь значима для данного общества гражданская идентичность, лежащая в основе обозначения индивида по отношению к демократическим ценностям и его месту в политическом пространстве. Получается, что, с одной стороны, возникает субъектное определение границ демократии, с другой – нормативный патернализм со стороны государства в отношении гражданского общества, наконец, с третьей стороны происходит размывание идентификационных ориентиров за счет процесса отстройки всемирного гражданства и выстраивания мультиэтнических сообществ. Не последнюю роль в такой трехлинейной ориентации играют глобальные процессы, что в конечном счете приводит к космополитизации гражданства и сокращения его национальной составляющей. Разумеется, такая ситуация неизбежно приводит к переосмыслению демократических ценностей со стороны общества и заставляет национальные власти вносить коррективы в проводимой политике отношений между государством и гражданином. Т. е. предоставляемые права и свободы не столько завоеванная или предоставленная в распоряжение природой человеческой ценность, но в большей части благо, ниспосланное свыше и одаренное послушникам культа государственной нравственности и божественного происхождения власти предержавших. Свобода и послушание – это и есть постоянный предмет торга между государством и гражданским обществом, однако актуализация подобного торга всегда зависит от возможности общества участвовать в нем и желания государства идти на диалог. В таком случае идентичность, с одной стороны, выступает общественной ценностью, а с другой – угрозой общественному самосознанию и национальной индивидуализации. Так, с одной стороны, объектом идентификации оказывается космополитическое всемирное гражданство (в основе которого лежат правила и принципы глобального

рынка, международных политических отношений и т. д.). С другой стороны, в качестве альтернативы новых форм сознания общества происходит процесс сублимации (переключения психической энергии) основ прежней национальной идентичности, направленной на образ национального государства и ценностные значения этнических, религиозно-конфессиональных, цивилизационных и иных идентификационных ориентиров. Однако большинство государств становятся еще и заложниками «внутреннего конфликта интересов» межэтнических и иных групп влияния. Таким образом, попытки современных государств бороться за сохранение и воспроизводство национального пространства наталкиваются на сопротивление двух разнонаправленных векторов развития: культурного и информационного глобализма, унифицирующего идентификационные образцы, с одной стороны, и разложения гражданской (национальной) солидарности под напором особых притязаний этнических, религиозных, языковых, субкультурных сообществ, с другой. Отсюда и вывод: радикальное преобразование традиционных структур и принципов самоидентификации в конечном счете ведет к изменению идентичности всего общества и является одной из важнейших его характеристик.

Представляется, что конфликты, происходящие в обществе на фоне мультикультурных и субэтнических противоречий, порождают новую среду в государстве, характеризующую не только внешними формами общественного протеста, но и высоким уровнем внутренней социальной агрессии. Проблема свободы личности, ее самоопределения и соответствия стилю времени остро стоит перед современным человеком. Маргинальность личности уже не только в несоответствии стандартам принятого поведения, но и в неспособности осознания самого несоответствия такого поведения, принятого в качестве безоговорочной и безальтернативной данности. Фастфудовское сознание (быстрого приготовления в масштабах общего потребления) уже не формируется, оно усваивается обществом в пунктах приема информационной пищи. Информация как сырье и новость как пища наделены столь невероятной жизненной силой, необходимой для нормального функционирования социального организма, что любой, кто предлагает свой товар, готов придать ему порой невообразимые формы и осыпать экзотическими пряностями, лишь бы товар был востребован. В таком случае важную роль играют и источники предлагаемой пищи. Информационные каналы, через которые идет процесс потребления, становятся самыми привлекательными активами в руках обеспеченных лиц и групп. И что же происходит? А происходит то, что в массе предлагаемого потока информации человеку приходится выбирать, но выбирать лишь то, что предлагают, потому как иного в меню не предусмотрено. И свобода выбора, как одна из цементирующих демократических ценностей, превращается в право выбора отсылочных установок и постороннее необоснованных прикидок.

Список литературы

1. Джон Фицджеральд Кеннеди – Цитата // <http://tsitaty.com/цитата/186376>
2. Шпенглер О. Закат Европы. М: «Наука», 1993. 592 с.

IDENTITY OF SOCIETY DEVELOPMENT UNDER THE CONDITIONS SOCIAL ORIENTATIONS CRISIS

V.V. Ivanov

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article is focused on the specific characteristics of identity of the society's development under the conditions of change of socio-political reality. In this perspective, the crisis is considered as a sphere of self-identity perception formation and orientation in the area of civil society and state relations.

Keywords: *identity, society, crisis, democracy, authority.*

Об авторе:

ИВАНОВ Виталий Витальевич – аспирант философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва. E-mail: Vitaly-vanoff@yandex.ru

Author information:

IVANOV Vitaly Vitalievich – Ph.D. student, Philosophy Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: Vitaly-vanoff@yandex.ru

УДК 141.319.8

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.М. Зарипова

Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

Интенция статьи – проблематизация специфики теорий социального коммуницирования, их места в системе гуманитарного знания, стимулируемого современной эпистемологией к проведению исследований междисциплинарного характера. Отмечается, что коммуникативная рациональность должна утвердиться в качестве атрибутивной составляющей современных теорий социальных коммуникаций. Выявлено, что к числу антиэнтропийных механизмов могут быть отнесены полезные знания (Дж. Мокир), трактуемые как адекватные средства совершенствования ценностей и нормативов человеческой жизнедеятельности. Проанализировано, что высокий интеллектуальный и общекультурный уровень людей имеет прямое влияние на внутреннюю устойчивость общества в целом.

Ключевые слова: *социальные коммуникации; коммуникативная рациональность; эпистемология; ответственность человека; полезное знание.*

Развитие общества по капиталистическому типу преисполнено проблем, чем вызываются к жизни потребности в осмыслении и выработке подходов к оценке многофакторной социальной динамики, обусловливаемой механизмами коммуницирования. Теоретиками социально-философской и социологической мысли выработаны социально значимые теории коммуницирования, в числе которых исследования Н. Лумана, У. Липпмана, Г. Лассауэлла, Т.М. Дридзе, Т.З. Адамьянц. Так, согласно Н. Луману, коммуникация единственная общественная структурообразующая единица, обладающая внутренней структурой из трёх элементов: сообщения, информации и понимания. В работах У. Липпмана (1889–1974 гг.) коммуникации впервые предстали в качестве социальных отношений. Американским исследователем Г. Лассауэлом (1902–1978 гг.) разработана «пятивопросная» модель коммуникативного акта, впервые опубликованная в 1948 г. и ставшая классической [14, с. 40]. В модели Г. Лассауэлла коммуникация понимается как прямое воздействие на реципиента, который выступает лишь в качестве объекта, реагирующего на воспринимаемую информацию по принципу стимул-реакция, потому его концепцию именуют линейной, однонаправленной, бихевиористской. Вид модели следующий: «Who says what to whom via what channels with what effects?» (Кто говорит? – Что сообщает? – Кому? – По какому каналу? – С каким эффектом?). Социально-коммуникативная интерпретация двух извечных «вопрошающих» спутников бытия россиян «кто виноват?» и «что делать?» сегодня

приобретает следующее звучание: «о чём думать?» и «что думать?». Причём очевидностью дня сегодняшнего является приоритет СМИ и СМК над предметной областью «о чём думать?». Принципиально при этом помнить следующее: тренируемость есть важное качество менталитета любого человека, позволяющее воспринимать действительность целостно, соответственно выделяя в ней как главное, так и второе-, третьестепенное и т. д. Таким образом, рациональность («что думать?») как способность к самонаблюдению, свойственная любой самоорганизующейся системе, будь то человек или общество, есть средство, оптимизирующее и мотивирующее социальную коммуникацию.

Понятие «коммуникации», предикативно соединённое с рациональностью, указывает на социальную обусловленность процессов, при которых людьми осуществляется обмен действиями и их результатами. Критико-рефлексивные методы исследования процессов обмена информацией, возникновения и закрепления системы ценностей в этих процессах являются базовым основанием рациональности. Качество же процесса социального коммуницирования, по определению отечественного социолога Т.М. Дридзе, вмещает в себя всё предметное многообразие социального бытия в целом, ибо социальные коммуникации есть «универсальный социокультурный механизм, ориентированный на взаимодействие социальных субъектов, на воспроизводство и динамику социокультурных норм и образцов такого взаимодействия» [6, с. 145].

Ориентировать, информировать, направлять – таковы три главные функции СМИ и СМК в обществе. Благодаря СМИ многие проблемы приобретают социетальное значение. Социальное значение массовой коммуникации состоит в удваивании действительности, создании второй, символической, виртуальной реальности. Отношение аудитории к действительному миру оказывается опосредствованным символической картиной мира, а отношение этой картины к действительности опосредствовано коммуникатором. «Плюсом», однако, безусловным, является способность СМК интегрировать общество. СМИ несут немалую толику ответственности за увеличение социальной дифференциации, т.к. продуцируют различные картины для различных аудиторий. Ясно одно: формирование общей культуры населения сегодня есть процесс взаимообусловливаемого целеполагания, осуществляемого обществом в целом и субъектами медиа-пространства. Как отмечает Т.З. Адамьянц, если в XX в. «доминантой общепринятых... моделей коммуникации было стремление к воздействию, манипулированию личностным сознанием...», то «глобальные изменения, которые несёт XXI век, актуализируют социальную целесообразность следования новым гуманитарным ориентирам, соответствующим идеалам и ценностям, интересам, традициям и нормам здорового гражданского общества, причём не только в политике или экономике, но и в коммуникационных процессах» [2, с. 5].

Обоснованные Г. Лассауэлом три социальные функции коммуникаций – информационная (расширяющая горизонты познания индивида), корреляционная (между социальной структурой и ответственностью общества), познавательнo-культурологическая (преемственности культуры) – в 60-е гг. XX в. были дополнены. Мыслители К. Райт, Д. МакКвейл, Р. Клосс «наделили» коммуникацию следующими социальными функциями (соответственно):

- развлекательной;
- мобилизационной;
- функцией рационального информирования – обучения вкупе с иррациональным аспектом (давлением, манипулированием, пропагандой, социальной психотерапией).

Рационально существующее, а значит рефлекслирующее, общество неминуемо оставит развлекательную функцию на периферии, в центр же им будут поставлены другие функциональные, общественно значимые задачи. Потому, на наш взгляд, коммуникативная рациональность должна утвердиться в качестве атрибутивной составляющей современных теорий социальных коммуникаций. Причём этическое должествование и прагматическая польза – два «спутника», сопровождающие данный процесс. Коммуникация базируется на следовании социально установленным правилам, любое общение должно вписываться в существующую систему норм. Понимание – это соблюдение правил поведения в определённых коммуникативных ситуациях. П. Бурдые именуется габитусом набор устойчивых привычек эффективно, а значит осмысленно действовать в определённых ситуациях.

Необходимость осмысления конкретной информации связана с ситуативным пространством-временем. XX в. обусловил кардинальные эволюционные механизмы в эпистемологической культуре философии, что расширило её проблемное поле. Способы и методы исследования современной философии сегодня необычайно многообразны, включая плюрализм и эпистемологический анархизм, выдвинутый П. Фейерабендом. Современный процесс социальных коммуникаций детерминирован данными познавательными тенденциями, обусловленными «свободой» коммуникантов, в том числе, и в смысле «самоограничения от самоограничения», т. е. освобождения себя от обязанности культурного роста. Сохраняющий собственные традиции консервативный дух философского знания способен оказать серьёзное влияние на людей, причём, не обманув их, добившись отказа от своих собственных интересов, а, напротив, жизненно сориентировав на предмет «что думать?». Философия – не судья, а помощник и защитник людей (социальных коммуникантов) в многоаспектном процессе их конструктивного взаимодействия с целью решения социально значимых задач. Перспективный облик социального коммуницирования предполагает увеличение «исследовательских полномочий» эпистемологии, проблематизирующих качество, роль и место человека в

социуме. При этом необходимо исследовать специфические для процесса передачи информации логические, психологические, естественно-научные и прочие проблемы. У. Липпман замечал, что человек не Бог, озирающий единым взглядом всё сущее, а продукт эволюции, который только и может выхватить фрагмент реальности, достаточный, чтобы выжить и в потоке времени поймать несколько моментов озарений и счастья. Взаимосвязь же между эволюцией и развитием (между филогенезом и онтогенезом) обозначается сегодня как *evo-devo-perspective* – разработка перспектив преданности. Заметим здесь, что предмет философии, формулируемый как всеобщее в системе «мир-человек», хотя и обуславливает подвижность характеру эпистемологии, однако всё же в русле консервативных философских теорий.

Логика современных социальных процессов связана в широком смысле с возможностями индивидов регулировать эти процессы. Рассмотрение общества и протекающих в нём процессов в настоящее время возможно с позиций поведения неравновесных, нелинейных систем, обладающих синергетическими характеристиками. Человеческое общество относится к высшему типу «органических» систем, а значит, части общества не просто взаимосвязаны друг с другом, но ещё и взаимоположены, т. е. могут существовать лишь в рамках целого, лишь в связи друг с другом. Следует помнить при этом, что самодостаточным является либо не является только общество в целом, остальные его характеристики таковым свойством не обладают. Т.М. Дридзе отмечает, что «глубинные истоки социокультурной динамики скрыты в характере метаболических процессов, трактуемых как обмен веществом, энергией и информацией между человеком и средой. Основным механизмом, который обеспечивает эти процессы в обществе, служит социальная коммуникация... Изучать социальные метаболизмы и механизмы их обеспечивающие, равно как и регулировать их, удаётся, лишь преодолевая...разрозненность накопленного наукой знания о природе, человеке и обществе...» [5, с. 9]. Функционирование социальной системы (общества) есть непрекращающийся антиэнтропийный процесс. Жизнедеятельность общества, или, выражаясь синергетическим языком, его антиэнтропийная работа, направлена на самосохранение посредством борьбы с уравнивающим, а значит, разрушающим общество как систему давлением. Современная кризисная фаза социального бытия, за которой может последовать обновление антиэнтропийных механизмов или же разрушение системы, т. е. общества, являет собой смешанный тип. Кризисы подобного рода вызываются «к жизни» изменениями среды, спровоцированными собственной активностью системы, к числу которых сегодня следует отнести, в частности, рост численности населения и потребительский шквал. Для того чтобы система была жизнеспособной во времени, а не только устойчивой в данный момент, она должна удовлетворять определённым условиям стойкости в процессе жизни и способ-

ности не просто к развитию, а к саморазвитию [10, с. 77]. В системе земной цивилизации обмен информацией между государствами, национальными группами, сторонниками разных религий должен стабилизировать, а не дестабилизировать эти структуры. Это выгодно всей цивилизации. На данном этапе развития объединяющей информацией для всех людей является научно-техническая революция (НТР), а также необходимость сохранения жизни на Земле. Дестабилизирующей информацией, которой следует избегать, являются: развитие военных приготовлений и угроз войны; нарушение экологического равновесия; национальная и религиозная рознь и нетерпимость; социальная рознь и нетерпимость; злоупотребление прогрессом НТР.

Таким образом, требования к обществу по наращиванию интеллектуальной (рациональной) и организационной силы обуславливаются необходимостью выработки новых антиэнтропийных механизмов. К числу подобного рода механизмов в контексте наших рассуждений могут быть отнесены полезные знания (см. ниже концепцию Дж. Мокира) как ресурсы разнообразия, накопленного системой (обществом) в период предкризисного существования. Для сохранения социальной системы, снижение внутренней устойчивости которой сегодня не вызывает сомнений, необходимы адекватные средства совершенствования ценностей и нормативов человеческой жизнедеятельности. Высокий интеллектуальный и общекультурный уровень людей, как явствует из истории человечества, есть иллюстрация прямого влияния на внутреннюю устойчивость общества в целом и, что немаловажно, на нарастание удельной продуктивности хозяйственной деятельности.

Общество как самоорганизующаяся система способно приспосабливаться к изменениям окружающей среды, т. е. адаптироваться. Т. Парсонс процесс адаптации трактовал как вещественно-энергетическое взаимодействие с внешней средой, как одно из функциональных условий существования социальной системы наряду с интеграцией, достижением цели и сохранением ценностных образцов. Не будет преувеличением считать, что только благодаря умению адаптировать культуру саморегуляции к возраставшей инструментальной мощи человечеству удалось дожить до настоящего времени, что в «переводе» на язык социальной синергетики звучит следующим образом: роль рационального (информационного) компонента в антиэнтропийной работе социума имеет непреходящий характер. В данной связи уместно привести точку зрения В.Н. Поруса: «Без работы человеческого ума и души всякая коммуникация – это общение кукол со встроенным механизмом, имитирующим работу сознания» [8, с. 24].

«Самый героический поступок человечества – это то, что оно выжило и намерено выжить дальше» – так писали братья Стругацкие. Однако путь истощения и самоуничтожения человечества – возможность далеко не невообразимая. В настоящее время необходимо полез-

ное знание, потенциально способное к управлению и преобразованию поведения человека. В работе Э. Фегелина «Новая наука политики» содержится такой подход к обществу: «...человеческое общество есть нечто большее, чем факт или событие во внешнем мире... в целом это малый мир, космион, наполненный изнутри человеческими существами, непрерывно создающими и сохраняющими его как модус и условие своего самоосуществления» (цит. по: [16, с. 17]). Таким образом, мы получаем следующую аксиому: общество само себя постигает и самосовершенствуется посредством своих же теорий.

Дж. Мокир обосновывает, что так называемое «полезное» знание включает в себя все представления и верования относительно использования природных ресурсов и умение использовать потенциально пригодные природные ресурсы [9]. Понятно, на наш взгляд, что к подобного рода потенциальным природным человеческим ресурсам относится и феномен «понимания». Общий же объём полезного знания в обществе предстаёт как совокупность отдельных личностных полезных знаний и полезных знаний в местах его хранения. Процесс обучения может быть истолкован как механизм передачи (распространения) знаний от одного человека к другому, от одного места хранения к другому. Открытия же есть добавление полезных знаний. Техника, умение, технологии (манипулирование природой в материальных целях) есть набор определённых принципов по использованию природы, которые подобно знаниям располагаются в умах людей либо в хранилищах знаний – это есть вторая форма знаний. Ключевым фактором свершения промышленной революции (наряду с одарёнными личностями и грамотными действиями правительства), согласно концепции Дж. Мокира, стала эффективная система обмена знаниями, т.е. организации науки и распространения знания.

Благодаря полезному знанию человечество является наиболее успешным биологическим видом Земли, мало того, человек на этой планете господствует и контролирует (хотя надо признать, что не полностью) окружающую среду. Полезное знание обладает способностью упорядочиваться, совершенствоваться, корректироваться. Возможность присовокупления к трём данным характеристикам знания приставки само- неминуемо предполагает адекватное участие человека. У любого человека есть возможность регламентировать приток информации и перерабатывать её по частям путём сознательного регулирования, а значит, не ждать, когда большое количество информации начнёт переводить систему в новое качество и выведет её из устойчивого состояния, а осуществлять такое «вписывание» маленькими порциями, совершая маленькие качественные скачки без риска повредить всей системе в целом [10]. С учётом этих обстоятельств можно рассчитывать на то, что полезные знания, накапливаемые людьми, приведут общество в целом к позитивным изменениям, т.е. будут характеризоваться высокой социальной отдачей.

Несколько отвлечённо, но всё же философски рассуждая, заметим, что открывая непредназначенное для него знание, человек (человечество) рискует навлечь на себя опасность. Известны примеры тому. Русский композитор и пианист А.Н. Скрябин при написании одного из своих гениальных сочинений, глубоко проникающих в познание гармонии мироустройства, на время ослеп. Российский альтист Юрий Башмет, по его же собственному признанию, во время репетиции произведения Альфреда Шнитке постиг глубину замысла гениального композитора, что повлекло за собой инсульт. Язык музыки, безусловно, отдельно стоящая тема в эпистемологии, тем не менее приведённые примеры являются важными. Рассуждая противоположным от выдвинутого в начале абзаца образом, приходим к следующему: не открывая для себя предназначенное для него же полезное знание, человек (человечество) сильно рискует. Полезное знание есть составляющая общественного блага. Отцами-основателями современного полезного знания могут считаться:

– О. Конт, призывавший к порядку и прогрессу;

– М. Вебер, основными категориями учения которого являлись поведение, действие и социальное действие: поведение становится действием при наделении смыслом. Если наделение действия смыслом соотносено с поведением других людей, то такое действие называется социальным, а поскольку объяснение социальных действий требует анализа вложенного в него смысла, то всякое социологическое описание требует понимания как основания научной методологии [3];

– П. Уинч – последователь идей Л. Витгенштейна и М. Вебера, предложивший оригинальную концепцию научного знания, заключающуюся в изучении в философии науки и эпистемологии проблемы конвенциональности как следствия коммуникативных отношений в научном познании [13];

– Т.М. Дридзе, которая считает, что «многослойный и многомерный социум, разъятый наукой на отрасли знания, „сферы“ деятельности и разного рода показатели, понятные только членам узкопрофессиональных сообществ, не поддается осмыслению в отрыве от организующего его человеко-средового начала... Без понимания этого не могут быть постигнуты механизмы зарождения и воспроизводства естественной и социокультурной жизни, природа жизненных и социальных ресурсов, способы выживания людей в разных средах и ситуациях, равно как природа и сущность коммуникации и диалога как механизма организации социокультурного пространства-времени...» [5, с.11];

– В.А. Лекторский, трактовка знаний которого несёт в себе мощную философскую составляющую: «Всякая форма знания в связи с деятельностью по его производству предстала как специфическая субкультура, как универсальный (в рамках некоторой социальной общности) тип познавательного и даже шире – духовного отношения человека к миру» [11, с. 15].

Вообще же современная эпистемология, обусловленная междисциплинарным характером постнеклассических парадигм, «приветствует» включённость в свою «деятельность» социальной составляющей. Вот как характеризует данную тенденцию современный философ А. Агацци: «Процесс эпистемологической рефлексии, начатый при условии принятия определённой современной концепции науки, практически выведенной из идеализации «точное естествознание», хотя она и считается «общей», позволяет включить и общественные дисциплины в область науки. Этот шаг, в свою очередь, делает разумным принятие результатов социологии, даже когда они применяются к познанию вообще и к научному познанию, в частности, что приводит к пересмотру и переформулированию «общего» понятия науки, серьёзным образом принимающего во внимание её социальную обусловленность» [1, с. 58]. Важно помнить, что знание отличается от информации тем, что находится только в голове человека. Оно может храниться и во внешних по отношению к человеку хранилищах (например, в книгах, статьях), однако полезностью такое знание будет характеризоваться только после приобретения и усвоения его человеком.

В завершение отметим следующее. Отрицательная динамика общекультурного развития граждан России обеспечивает пространство гуманитаристики предметной спецификой. На современном этапе формирования философской и научной картин мира необходима рефлексия целей и ценностей участников коммуникации, важным следствием чего станет направляемое развитие коммуникации и удержание её в рамках культуры. Одной из важнейших проблем, возникающих в данной связи, является осознание границ человеческой свободы или, коротко говоря, – в актах коммуникации возникает проблематизация свободы. Восходящая индивидуализация, связанная с преодолением человеком ограниченности своей частной природы, должна быть сопряжена со способностью человека подняться над своей «отдельностью», а значит, вместить в себя более высокое всеобщее начало. Каждый новый социальный вызов ставит перед человеком задачу соответствующих адекватных реакций и нахождения верных поведенческих практик. Современную эпоху отличают (помимо прочего) кардинальные изменения в способах передачи информации, что служит предпосылкой изменений во всех сферах жизни общества (применительно же к отдельному человеку можно в данной связи вести речь об изменениях в сфере здоровья и продолжительности жизни). Процесс социальных коммуникаций – это в значительной мере работа над собой. Над собственной точкой зрения. Над способом видения предметов и над тем, что человеку от них требуется. Людвиг Витгенштейн заканчивает свой «Логико-философский трактат» следующими словами: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» [15, с. 132]. (Отметим, что мы не принимаем здесь во внимание известный нам факт того, что Л. Витгенштейн в работе «Философ-

ские исследования» почти полностью опровергает положения своего первого труда «Логико-философский трактат» [7, с. 307].) О процессах социального типа коммуницирования возможно говорить хотя бы потому, что коммуницирования не может не быть, пока живут люди.

Список литературы

1. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 58–66.
2. Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация. М.: ИС РАН, 2005. 158 с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1994. 318 с.
5. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. М.: ИС РАН. 2000. Кн. 1. С. 5–42.
6. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–155.
7. Комадорова И.В., Пономарева Н.Д. Континуитивность геометрического и философского стилей мышления (эпистемологический аспект среза «классика – постклассика – постнеклассика») // Труды Нижегород. гос. техн. ун-та им. Р.Е. Алексеева. 2010. № 2 (81). С. 305–310.
8. Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / отв. ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус. М.: ИФРАН, 2009. 215 с.
9. Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономич. вест. Рост. гос. ун-та. 2004. № 1. Т. 2. С. 10–37.
10. Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Пеньков В.Е. Современные парадигмы эволюционных процессов. М.: Альфа-М, 2007. 704 с.
11. Познание в социальном контексте /под ред. В.А. Лекторского И.Т. Касавина). М.:ИФ РАН, 1994. 174 с.
12. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова. 2002. 461 с.
13. Уинч П. Идея социальной науки и её отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 125 с.
14. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society//The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971. 293 p.

15. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / общ. ред. В.Ф. Асмуса. М.: Наука, 2009. 133 с.
16. Веллмер А. Модели свободы в современном мире // Социологос: пер. с англ., нем., франц. / сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 3–17.

THE SPECIFICS OF SOCIAL COMMUNICATION THEORY: THE EPISTEMOLOGICAL ASPECT

L.M. Zaripova

Kazan (Volga) Federal University, Naberezhnye Chelny Institute, Naberezhnye Chelny

The article is aimed at exploring the specifics of contemporary theories of social communications, their locations in the system of humanities in the contemporary epistemology and interdisciplinary research perspective. It reveals that communicative rationality is to establish itself as an attributive component of contemporary theories of social communication. The author argues that among the anti-entropic mechanisms the useful knowledge (J. Mokyр), should be treated as an adequate basis for improving the values and norms of human life. He comes to the conclusion that the high intellectual and cultural level of people has a direct impact on the internal stability of society as a whole.

Keywords: *social communications, communicative rationality, epistemology, human responsibility, useful knowledge.*

Об авторе:

ЗАРИПОВА Ляйсан Мирзануровна – соискатель кафедры массовых коммуникаций Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВОФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: leysan-zaripovanch@yandex.ru

Author information:

ZARIPOVA Leysan Mirzanurovna – Ph.D. student of the Department of Mass Communications, Kazan (Volga) Federal University, Naberezhnye Chelny Institute, Naberezhnye Chelny. E-mail: leysan-zaripovanch@yandex.ru